

наследие

*Мирсай
Амир*

1907–1980

168

главы из повести

Мирсай Амир – один из тех татарских писателей, которые познали в своей жизни, что называется, огонь, воду и медные трубы. Его любили читатели, он возглавлял писательскую организацию республики, был удостоен государственных наград – трёх орденов и Государственной премии РТ им. Г. Тукая... Но писатель не избежал и необоснованной репрессии в 1937 году. Сегодня мы публикуем начало его повести «Агидель», а в следующем номере дадим тексты из «дневника жены заключённого» – Фаузии Амировой – под названием «Когда муж – враг народа»

Агидель

Я¹ проснулся от прикосновения первого утреннего луча, меня словно кто-то мягко погладил по лицу. Солнце только ещё выглянуло из-за могучих гор, укрытых синеватым лесом. Я сел в телеге, где мы спали с моим другом Гаязом на свежескошенном сене, пахнущем полынью, и улыбнулся.

Нас с Гаязом ожидали долгие летние каникулы в моём родном селе. Позади осталась трудная зима – студенческая учёба, экзамены, неохотное вставанье по звонку дежурного. Сон покидал нас, только когда мы умывались, дурачась и брызгаясь ледяной водой, а потом разминались в спортивном зале.

На этот раз пробуждение моё было лёгким, по-ребячьи радостным – словно я заново родился.

Мальчишкой мне не долго пришлось беззаботно побегать по берегам Агидели. Тяжёлая крестьянская работа сызмальства легла на мои плечи, и оттого, наверное, я не замечал, как красиво у нас. И только вот сейчас, этим ранним утром, впервые с таким острым ощущением счастья я увидел величавую красоту родной земли. Солнце поднялось выше, и леса на склонах гор уже не казались тёмными, они зазеленели пятнами самых разных оттенков. Да что там, даже лебеда и крапива, что росли во дворе, прижавшись к плетню, показались мне сейчас удивительно свежими. И мне захотелось тотчас же поделиться радостью с Гаязом. Но он ещё крепко

спал, вольно раскинувшись на сене. Сильный, красивый парень. На нём, как и на мне, сетчатая майка и тёмные штаны из дешёвой материи. В чёрных его кудрях запутались вялые травинки, на сонном темнобровом лице, в длинных опущенных ресницах разлито блаженное спокойствие.

Два года назад мы вместе с Гаязом поступили в техникум и с тех пор не разлучались. Нас прозвали «Ишай с Кушаем» – неразлучными друзьями, – и если где-нибудь встречали меня одного, то спрашивали: «А где Кушай?» Мы действительно не могли расстаться ни на минуту. И когда перешли на третий курс и стали собираться на каникулы, я уговорил Гаяза поехать на Агидель, в моё родное село.

Нам удалось найти попутную подводу, но она была перегружена, и возница согласился взять только наши чемоданы. Так что более ста километров нам пришлось отмахать пешком. И хотя приятно было шагать налегке по живописной летней дороге, к концу пути мы настолько устали, что уже не могли любоваться ни селом, раскинувшимся на берегу Агидели, ни высокими горами с синеватыми вершинами. Напившись чаю со сливками, повалились спать ещё до заката солнца...

Но можно ли спать так долго? Пропускать такие чудесные минуты? Я не выдержал и позвал друга:

– Гаяз! Гаяз!

– Что случилось? – откликнулся он, не раскрывая глаз.

– Вставай же! Посмотри, как красиво наше село. Преступление спать в такое утро!

– Почему так рано? Разве нужно куда-нибудь идти?

– Айда купаться на Белую!

Гаяз ещё секунду-другую полежал неподвижно, потом поднялся и мгновенно соскочил на землю.

– Айда, пошли!

Я забежал в дом за полотенцем. Мать, только ещё разжигавшая печь, удивлённо сказала:

– Почему так рано поднялись? Поспали бы в утренней прохладе.

Несмотря на ранний час, улица уже проснулась. Женщины в белых передниках доставали воду из колодца со скрипучим журавлём, старушки выгоняли со двора телят. Они останавливались и, переговариваясь, смотрели нам вслед.

Мы миновали несколько изб, крытых соломой, и свернули в переулочек Беззубого Ибрая. Все мы, сельские ребята, как только начинали ходить, бегали по этому переулочку на Агидель и каждый раз заглядывали через плетень в огород Ибрая. Едва сходил снег, у Ибрая уже попевала редиска. За редиской показывались зелёные стебельки лука, потом морковь, огурцы, дыни...

Нечего и говорить, сколь злостными истребителями всего этого добра были мы, ребята: ведь у нас в селе почти не сажали овощей... «Промысел» наш продолжался обычно всё лето, до того самого дня, когда на огороде выдёргивали последнюю кочерыжку.

Набеги наши, ясное дело, далеко не всегда сходили гладко. Изловив воришку, Ибрай обычно стегал его крапивой. Истошно вопя, тот клялся забыть дорогу на огород. Но как только заживали следы крапивы, кое-кто с ещё большей изобретательностью лез через плетень Ибрая.

Беззубый Ибрай был для нас самым страшным человеком, его именем даже пугали нас матери. Мы улепётывали от него со всех ног не только во время набегов на огород, но и просто завидев на улице.

Однажды в руки Ибраю попался и я. Помню, нас было семеро мальчишек. Мы уже снимали рубашонки, спускаясь по переулочку к Агидели. Но нападения на огород Ибрая стали для нас каким-то законом. Мы даже устанавливали очередь, кому лезть за плетень. В этот день очередь пала на меня. Я затаился у плетня. Остальные мальчишки пошли дальше, обнявшись и горланя песни, чтобы не возбудить подозрений.

Перемахнув через плетень, я прошёл мимо грядки свеклы, лука, репы, редьки и добрался до огурцов – они нас особенно прельщали. На крайней грядке не было хороших огурцов, и, хотя колотилось сердце, я прошёл дальше и лихорадочно стал рвать огурцы – жёлтые, по локоть длиною, и бросать в полу рубашки. Я уже собирался кинуться со скоростью стрелы к плетню, как вдруг среди густых листьев тыквы увидел ноги Ибрая. Он схватил меня за рубашку – руки его в тот момент показались мне длиннее сажени. Я стал кричать и биться, как мышь, попавшая в ловушку.

– Молодец, – спокойно сказал Ибрай и даже погладил меня по спине. – Ни один мальчишка ещё не осмеливался заходить так далеко. Ты что, сын Самигуллы?

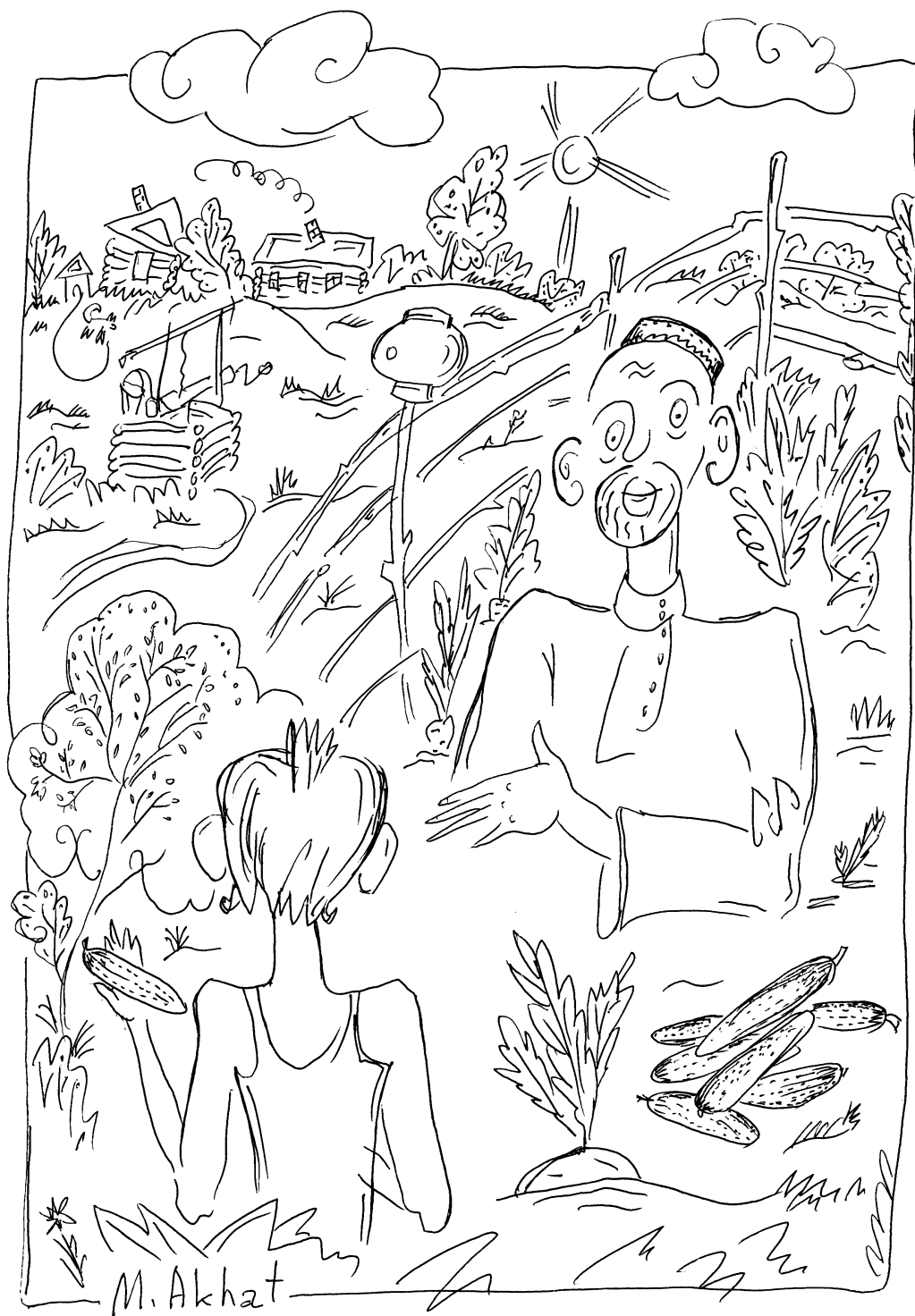
Я замер, не смея шевельнуться. Что это – похвала или насмешка? Уж лучше бы он постегал меня крапивой!

– Ты, наверно, никогда не ел огурцов, – продолжал между тем Ибрай. – Я вижу, не знаешь в них толку. Такие жёлтые невкусные. Они же перезрелые, семенные. Поди-ка сюда, я покажу тебе, какие надо выбирать.

Он уже не держал меня за рубашку и шёл вперёд, к дальним грядкам, приглашая с собою. Я мог бы легко убежать от него и перемахнуть через плетень. Но какая-то необъяснимая сила заставила меня послушно следовать за ним.

Ибрай порылся среди свежей зелени грядки и протянул мне несколько маленьких огурчиков.

– Надо брать осторожно, не обрывать плетей, как это ты делал, – поучи-

тельно говорил он, склоняясь над грядкой.

Я несмело принялся есть огурцы, они и в самом деле были очень вкусными. Но я всё ещё не верил в добрые намерения Ибрая и зорко следил за каждым его движением.

«Он прикидывается, – думал я, – он просто ведёт меня к тому месту, где растёт крапива».

Но мы шли всё дальше, и на лице Ибрая я не замечал и тени злости, – даже его длинные жёлтые усы, которые всегда казались нам такими страшными, теперь придавали Ибраю добродушный вид.

Он показал мне грядки с морковью, луком, репой. Я долго дивился на круглые краснеющие плоды помидоров.

Так мы дошли до калитки, ведущей во дворик к Ибраю, и тут я увидел чудо: перед моими глазами возвышалась целая гора пёстрых цветов.

– Это моя беседка, – сказал Ибрай. – Давай зайдём.

Когда мы вошли внутрь, я решил, что это шалаш. «Стены» его, вплоть до остроконечной верхушки, были сплошь укрыты зеленью и цветами, здесь свешивались мохнатые шишечки и плети хмеля, дикой тыквы, усыпанной белыми, с кулак величиной, плодами, вьюнки переползали с хмеля на тыкву, щедро рассыпая алые с просинью колокольчики... Целые шапки цветов!

Раскрыв рот от изумления, я смотрел на пёстрые стены беседки, на маленький столик посреди земляного пола и на ложе из дёрна, покрытое свежим сеном. Я почувствовал себя ребёнком, заблудившимся в сказке... Ибрай выложил на столик только что сорванные овощи и ласково сказал:

– Ешь, паренёк, ешь, тебе всё это в редкость. – И добавил: – Не стеснялся воровать – не стесняйся и кушать, когда тебя угощают...

Моё лицо горело от стыда, я готов был упасть на колени и просить прощения у Ибрая. Но в нашем селе не принято было так открыто выражать свои чувства, и я промолчал.

Ибрай улёгся на дерновом ложе и, глядя на цветы, задумчиво спросил:

– Ну, паренёк, нравится тебе моя беседка?

Я ответил, что такого прекрасного шалаша никогда в жизни ещё не видел.

– И огород мой тоже нравится?

– Удивительный огород, Ибрай-абзый. Мой отец не сажает даже и одной грядки огурцов. Он говорит: «Пусть русский сажает».

– Может быть, он и так говорит: «Пусть Беззубый Ибрай сажает»?

– И так говорит.

Ибрай хитро усмехнулся.

– А не говорит: пусть Беззубый Ибрай кушает?

– Н-нет... так он не говорит.

Ибрай пристально, без улыбки, взглянул на меня.

– Ты, братец, когда вернёшься домой, расскажи отцу обо всём, что видел в огороде у Беззубого Ибрая. И скажи, что сам он, твой отец, может сделать такой же огород. Передай, что Беззубый Ибрай обещает помочь и дать семена по дешёвой цене. Скажешь?

– Скажу.

– Может быть, твои друзья тоже захотят посмотреть мой огород?

Я смущённо опустил голову: Ибрай окончательно обезоружил меня!

– Я передам ребятам.

– А когда ещё придёте воровать?

– Никогда! – воскликнул я горячо, от всего сердца, и про себя решил: положу конец нападениям на огород Ибрая.

Слово своё я сдержал. Мои рассказы об огороде Ибрая и его доброте вызвали целую бурю среди мальчишек: одни не верили мне, другие верили и восхищались моими приключениями. В общем, мальчишки разбились на два лагеря: одни по-прежнему стояли за набеги на огород Ибрая, другие – против. Но даже сторонники набегов скоро прекратили их, боясь, что мы наябедничаем.

Что же касается меня самого, я привязался к Беззубому Ибраю и ходил за ним по пятам, слушая его бесконечные рассказы о войне 1914 года, на которой ему довелось побывать.

Я могу сказать даже, что полюбил Беззубого Ибрая. И теперь, после двухлетней разлуки, оказавшись в его перелуке, заглянул за плетень и обрадовался, увидев широкую спину Ибрая, склонившегося над грядкой.

– Здравствуй, Ибрай-абзый! – крикнул я.

Он выпрямился и устремил на нас пристальный взгляд, кажущийся суровым, почти злым, потом широко улыбнулся и зашагал к нам, вытирая руки о передник.

– Ты ли это, Ильяс? Не узнаешь тебя...

Через плетень мы крепко пожали руки друг другу, и вопросительный взгляд Ибрая остановился на Гаязе. Узнав, что Гаяз городской парень, бывший заводской рабочий, он обрадовался ещё больше.

– Я давно ждал такого человека. У меня есть о чём поговорить. Я, наверно, ещё надоем вам, парни.

– Поговорим, – приветливо улыбнулся Гаяз.

– Да что это я беседую с вами через плетень! – спохватился Ибрай и даже ударил себя по коленям. – Заходите, угощу вас свежими огурчиками. Поди, не пробовали ещё?

– Спасибо, дядя Ибрай, – ответил я. – Ты не спеши с угощением. Мы ведь пробудем здесь всё лето. А сейчас торопимся на реку...

– Раньше, помнишь, тоже ведь по пути на реку заглядывали ко мне? Не забыл, наверное, крапивные венки Беззубого Ибрая? Хи-хи-хи... Ну вот, а теперь сам приглашаю, заходите.

И Ибрай повёл нас по огороду, показывая, что и как у него растёт. Мы дошли до беседки, столь памятной мне, и тут увидели грядки огурцов. Мы почти не верили своим глазам: у других сельских огородников огурцы ещё не цвели, а у него они уже были крупные.

– Они любят тепло, – заметил Ибрай и стал подробно рассказывать, как он утепляет грядки. – А знаете ли вы, парни, что на берегах Агидели пустуют, пропадают зря тучные земли? Сколько

овощей там можно было бы вырастить! – с горечью воскликнул он.

Видно было, что Беззубый Ибрай не сказал и сотой доли того, что его мучает. Но мы его успокоили, уверив, что ещё не раз навестим его, и побеседуем не торопясь, и посоветуемся. А сейчас нам не сиделось – мы спешили на реку.

2

Агидель! Прекрасная, величавая, называемая в песнях вечно юной!.. Неумолимая, она то и дело меняет свое направление и сама вдруг меняется: то, бурля, несётся вперёд, полная яростной силы; то, как танцующий молодец, резво прыгает через камни, кипит и пенится у крутого берега; то, словно влюблённая девушка, грустно замирает под лунным светом и, приняв в себя глубокую тень от прибрежных кустов, останавливает движение. В заводях она покрывается камышом и белыми водяными лилиями, нежные головки которых спокойно лежат на тихо струящейся воде. Но вот, словно очнувшись, одним прыжком река вырывается из тихого плена, волны нарастают и, подгоняя друг друга, мчатся вперёд.

Дальше река становится шире, степеннее. Она принимает в себя воды сверкающего Ащказара, внешне спокойной Дёмы, затаившей в глубине свою коварную силу, стремительной Уфимки, что, по преданию, возвращает на своих берегах стройных, белотелых красавиц.... Широкая, многоструйная Агидель уже несёт на себе пароходы, баржи. Наконец она соединяется с Камой, затем с Волгой и вместе с этими старшими сёстрами впадает в безбрежный Каспий, точно вступает в большую жизнь.

В том месте, куда пришли мы с Гаязом, река была спокойной и лежала перед нами широкой серебряной лентой. Тени кудрявых тальников на том берегу, казалось, ещё более усиливали утреннюю тишину реки.

Решив разыскать удобное место для купания, мы спустились по зелёному лугу на самый берег, устланный чистой, омытой галькой. Нас радовало всё – и аромат цветов шиповника, раскрывшихся навстречу солнцу, и прохлада, веющая от Агидели. Нам хотелось играть, шалить, петь. Хотелось любить и быть любимыми...

Словно сговорившись, мы запели:

**Прекрасные берега Агидели
Уносят горестные думы...**

174

Мы подошли к воде. Стайки пескарей, укрывшихся на ночь у берега от злой щуки, метнулись в глубину, оставив за собой рябь мелких волн. Смеясь, мы набрали мелких камушков и, вспомнив ребячью свою забаву, принялись «делать блины». Камушки летели над водой, едва задевая её, на воде возникали и пропадали колечки.

Мы разделись, размялись, хвалясь мускулатурой друг перед другом, и в нерешительности остановились у самой воды. Гладкая, как стекло, вода и холодный утренний воздух немного пугали нас. Ёжась, мы посматривали друг на друга.

– Рискнём? – сказал Гаяз. – Давай: раз, два, три!

Зеркальная гладь воды разбилась, мы поплыли к кудрявому тальнику на том берегу.

– Переплывём?

– Переплывём!

Берег оказался довольно далеко. Мы несколько раз отдыхали на спине. Желанный тальник был уже близко, когда Гаяз внезапно остановился, работая руками и удерживаясь на воде.

– Смотри, – тихо сказал он. – Кто это?

Прямо перед нами на берегу, подбоченясь, стояла девушка, бронзовая от загара. Взгляд её тёмных глаз из-под тонких, тёмных же бровей был устремлён мимо нас, на голубеющие горы.

Она слегка выставила вперёд одну ногу, перенеся на неё тяжесть тела, и вся была подобна застывшей волне: так нежно-округлы были очертания её фигуры на зелёном фоне тальника. Она, видимо, не замечала нас, и мы молча разглядывали её юное красивое лицо с полуоткрытыми губами цвета спелой вишни.

Я чувствовал, что не могу произнести ни слова. Гаяз обычно держался с девушками непринуждённо, но сейчас и он молчал, только работал руками, чтобы удержаться на быстрой воде.

Наконец мой друг осмелел и громко крикнул:

– С добрым утром!

Девушка вздрогнула от неожиданности, её чёрные глаза устремились на нас.

– С добрым утром! – ответила она звонким голосом.

Я не мог произнести ни слова и только смотрел и смотрел на девушку, стараясь привлечь её взгляд на себя. Впервые за два года нашей дружбы я подумал, что красивые глаза Гаяза опасны для меня. Однако она и его не удостоила взгляда и с рассеянной улыбкой скрылась в зарослях тальника.

Нас относило течением в сторону. Мы устали, держась на воде, но не выходили на берег. Нам казалось, что она появится снова. Кусты тальника были неподвижны.

Уж не почудилась ли нам эта милая девушка?

Молча выйдя на противоположный берег, мы остро почувствовали, что весь наш задор пропал. Красивая незнакомка заронила в нас что-то такое, о чём мы только и могли теперь думать.

– Может быть, она пришла из маленького башкирского села Кинджа? – сказал я. – Это откуда недалеко.

– Может быть, – откликнулся Гаяз.

– Встретим ли мы её опять, Гаяз?

– Может, и встретим.

Перевод Н. Чертовой